

Сюй Вэнь, получив сообщение, сразу же передал его Оу Хэну. Чтобы найти Ли Цзюньюя, Оу Хэн звонил Сюй Вэню по несколько раз в день, но Сюй Вэнь тоже не мог связаться с Ли Ганем, и оба оставались в неведении.

— Ли Гань сказал, где они находятся?

Оу Хэн схватил руку Сюй Вэня, сжав ее так сильно, что тот на мгновение скривился.

— Только сказал, что за границей, вероятно, это конфиденциально. Ли Гань ничего больше не уточнил.

Сюй Вэнь покачал головой. Ли Гань лишь упомянул, что они за границей и заняты, поэтому не связывались.

— Понятно, спасибо, что пришел.

Оу Хэн печально кивнул. Он хотел спросить, думал ли Гого о нем, говорил ли, когда вернется.

Оу Хэн, словно тень, медленно поднялся по лестнице, шаг за шагом.

— Я останусь с тобой сегодня.

Сюй Вэнь быстро последовал за ним. Видя состояние Оу Хэна, он боялся, что с ним что-то случится.

— Не нужно, возвращайся в школу. Со мной все будет хорошо, я обещаю. Я просто жду, когда Гого вернется.

Оу Хэн похлопал Сюй Вэня по руке и, отказавшись от его предложения, направился в свою художественную студию.

Сюй Вэнь простоял у двери студии полчаса, убедившись, что все в порядке, прежде чем уйти.

— Тетушка Минь, пожалуйста, присмотрите за младшим хозяином. Не спите слишком крепко, следите за ним. Через несколько дней все наладится.

— Конечно, я поняла. Это ссора между влюбленными?

Тетушка Минь быстро согласилась.

— Не знаю.

Сюй Вэнь покачал головой. Он не знал причины.

— Тетушка Минь, я пойду. Если что, звоните.

— Иди осторожно, береги себя.

Тетушка Минь проводила Сюй Вэня до двери, напоминая ему быть внимательным.

Оу Хэн нарисовал несколько штрихов на бумаге, но понял, что его мысли далеки от этого.

Он смотрел на белый лист с несколькими мазками и почувствовал, что хочет плакать.

Внезапно он бросил кисть и начал рыться в папке с холстами, пока не нашел уже

подготовленный холст размером в поллиста. Он поставил его на мольберт, нашел масляные краски и скипидар, и начал рисовать без какого-либо плана.

Штрих за штрихом, Оу Хэн не замечал, как проходит время. Свет в студии горел всю ночь, и тетушка Минь, не спавшая крепко, каждые два часа проверяла его. Видя, что Оу Хэн словно одержим, она позвонила Сюй Вэню.

— Вэнь, младший хозяин рисует всю ночь, как будто в трансе. Это нормально?

— Он только рисует, ничего другого не делает?

Сюй Вэнь, услышав голос тетушки Минь, сразу проснулся. Он специально поставил громкий звонок, чтобы не пропустить звонок.

— Нет, только рисует. Уже рассвет, а он не спал, даже не менял позу.

Тетушка Минь говорила тихо, хотя в доме была хорошая звукоизоляция, но атмосфера была напряженной.

— Если он рисует, то все в порядке. Не беспокойтесь, просто наблюдайте. Если бы он не рисовал, вот тогда бы начались проблемы.

— Хорошо.

— Приготовьте ему кашу, но не беспокойте его.

Сюй Вэнь, повесив трубку, облегченно вздохнул и снова лег в постель.

Оу Хэн рисовал всю ночь, его мозг был в состоянии сильного возбуждения, но вдруг он остановился, посмотрел на картину и заплакал.

Он увидел Гого в этой картине. Ему так сильно не хватало Гого, что сердце болело. Он знал, что ошибся.

Основной цвет картины был сине-черным, общее настроение было подавленным и удушающим. Хотя фон был синим, в некоторых местах проступали красные оттенки. Оу Хэн изобразил балкон этого дома, и каждый штрих передавал ощущение отсутствия кого-то важного, оставляя чувство беспомощности, боли и отчаяния, которое захлестнуло Оу Хэна.

Но вдалеке на картине был туманный свет, теплый, но неуловимый.

Оу Хэн присел на корточки, обхватив голову руками.

«Что, если я оттолкнул его свет?»

Он плакал, пока не уснул, прислонившись к стене. Тетушка Минь, заглянув через полчаса, не смогла поднять его, поэтому постелила на пол одеяло и аккуратно уложила Оу Хэна, подложив подушку и накрыв его.

Оу Хэн свернулся калачиком, словно младенец в утробе, ища утешения в собственном тепле.

Он проснулся только после полудня. Целый день не ел, голова была тяжелой, и вставать было трудно. Он услышал звонок своего телефона — особый звонок. Оу Хэн начал искать телефон.

— Алло, Гого, я так по тебе скучаю...

Оу Хэн, взяв трубку, произнес это, но потом замолчал, не зная, что сказать дальше.

— Эр-эр, ты поужинал?

Голос Ли Цзюньюя был хриплым, кашель еще не прошел.

— Нет еще...

Оу Хэн всхлипнул, сидя на одеяле и глядя на свою картину. Его глаза были пустыми.

— Ты только закончил тренировку? Иди поужиной. Я перезвоню позже...

— Нет, нет, я дома, не вешай трубку... Гого, я боюсь...

Оу Хэн прервал его, боясь, что после этого звонка снова не сможет связаться с Гого.

— Гого, я понял свою ошибку, вернись, пожалуйста. Мне страшно одному дома. Может, я приеду к тебе?

Он хотел как можно скорее оказаться рядом с Ли Цзюньюем.

— Эр-эр, я сейчас на работе, не могу о тебе позаботиться. Ты будь умницей, я вернусь через пару дней.

Ли Цзюньюй прикрыл трубку, чтобы скрыть кашель. Он не хотел, чтобы Оу Хэн видел его больным и переживал.

Он сильно похудел, лицо осунулось, и из-за болезни и лекарств за несколько дней он выглядел изможденным. Ли Гань был в отчаянии.

— Я могу сам о себе позаботиться...

Голос Оу Хэна был тихим.

— Кхе... здесь небезопасно, тебе лучше не приезжать...

— Гого, я так по тебе скучаю, так сильно...

— Я знаю, я тоже скучаю. Ты будь умницей, хорошо?

Он не видел Оу Хэна несколько дней, как мог не скучать? Но в таком состоянии он не мог с ним встретиться.

— Хорошо.

— Пока.

Ли Цзюньюй быстро повесил трубку.

— Кхе-кхе-кхе...

Его кашель стал невыносимым, и слезы выступили на глазах.

Оу Хэн смотрел на телефон. Впервые за многие годы Гого повесил трубку раньше него. Сердце опустело, и он просто смотрел на экран.

Он начал листать фотографии в телефоне, среди них были и старые снимки. Оу Хэн нашел их первую совместную фотографию, где Ли Цзюньюй с детской полнотой держал на руках такого же пухленького Оу Хэна, и оба улыбались.

Улыбка Ли Цзюньюя заставила Оу Хэна провести пальцем по экрану. Он так хотел увидеть лицо Гого.

— Алло, учитель.

Оу Хэн, погруженный в мысли, услышал звонок Хуа Мао.

— Эр-эр, где ты сейчас?

Бодрый голос Хуа Мао заставил Оу Хэна немного оживиться.

— Учитель, я дома.

Оу Хэн играл с краем одеяла.

— Эр-эр, через месяц будет международный конкурс молодых художников, ограничение по возрасту — от шестнадцати до двадцати пяти лет. Твои старшие братья уже слишком стары для этого, так что участвовать будешь только ты. На этот раз ученик Отиса тоже будет участвовать, так что ты не должен ему проиграть.

Хуа Мао говорил с энтузиазмом. Его ученик проиграл ученику Отиса на прошлом конкурсе, и Отис постоянно звонил ему, хвастаясь. Это сводило Хуа Мао с ума.

Отис, этот старый хитрец, не знал китайского, но все равно пытался хвастаться на нем, что только злило Хуа Мао еще больше.

— Какая тема?

— Тема свободная, просто покажи свои лучшие работы. Я верю в тебя, Эр-эр, ты самый лучший. На этот раз я посмеюсь над Отисом!

Хуа Мао был полон решимости.

<http://bllate.org/book/16768/1541343>